

Э. ГОЛЛЕРБАХ

Петербургская камена

(Из впечатлений последних лет)

Москва и Петербург всегда были различны по своему литературному облику. Если верить, что каждый город имеет свою «душу», то нужно поверить и тому, что эта душа накладывает неизгладимый отпечаток на подвластных ей людей. После «Петербурга» Андрея Белого отрицать это невозможно. И не только «Петербург», — вся петербургская литература (поэзия в частности и в особенности) отмечены печатью чародейского города, великолепного и загадочного, о котором так хорошо сказала З. Гиппиус: «Созданье революционной воли, — прекрасно-страшный Петербург».

Петербургская поэзия — это целая полоса, целая эпоха в истории русской литературы. Впервые голос Петербургской камены зазвучал в стихах А. Блока. Не замолк ли он со смертью Блока? Может быть, мы слышим теперь только эхо прекрасного голоса? Тихое эхо, умирающее и уже заглушаемое иными голосами? Может быть, есть и среди новых голосов такие, к которым стоит прислушаться? Несомненно лишь то, что со смертью Блока кончился какой-то совсем своеобразный, совсем обособленный и очень «петербургский» период русской поэзии. Двадцатилетие 1901 («Стихи о прекрасной Даме») — 1921 (Смерть Блока) охватывает ряд чудеснейших поэтических достижений, связанных с именами Блока, Кузмина, Сологуба, Гумилева, Ахматовой. Есть люди, думающие, что Прекрасная Дама — умерла. Простаки и невежды не знают, что Красота бессмертна. Трагизм заключается только в том, что иногда Она становится незримой, уходит, скрывается от людей, недостойных ее лицезреть. От современных поэтов зависит ее участь.

«Творимая легенда» в их руках. Явление Красоты, действенное и целящее, зависит от них, служителей Парнаса.

М. Кузмин и А. Ахматова — вот имена вполне «петербургские», вполне достойные славных петербургских традиций. Следует добавить — и царскосельских. Там, в тишине старого парка, еще живет муза Ин. Анненского, нашего раннего символиста, родоначальника нежнейшего лирического жанра, сочетавшего утонченные фиоритуры французского декаданса, с бездонной глубиной «достоевщины». Его влияние распространилось на целую плеяду поэтов, из которых Ахматова, Кузмин и Гумилев сумели продолжить его линию вне простой подражательности. Из молодых особенно «подчинился» Анненскому Всеv. Рождественский, взявший от своего учителя если не трагическую обостренность мысли, то, по крайней мере, внешнее изящество («Золотое веретено», «Лето»).

Среди современных *поэтов* очень мало поэтов. Отчасти в этом и таится причина успеха Ахматовой. Она несомненный и большой поэт. Но при всей симпатии к удивительной задушевности и тонкой архитектонике ее стихов, нельзя не сказать, что дарование ее совершенно «стоячее», статическое, однообразное до боли, до пресыщения. С Кузминым ее сближает то, что оба они замкнулись в тесный круг психологии «любовных» переживаний, причем их любовь не Платоновский эрос, а «комнатная» нежность и «домашние» драмы. Но широкая эрудиция, настоящая, не напрокат взятая, культура Кузмина дали ему возможность развернуть свою тему так, что она стала неповторимой и единственной по разнообразию и великолепию своих мотивов. «Взыскательный художник» сам ограничил себя и, ограничив, поднялся на очень значительную высоту. «Нездешние вечера» и «Эхо» говорят об этом с убедительной ясностью. Стихи же Ахматовой дают отчетливое ощущение того, как произволен, как предопределен круг ее переживаний. В последних книгах ее («Подорожник», «Anno Domini MCMXXI») все чаще — варианты и реминисценции. Ее субъективизм становится манерностью. Она зашла в какой-то тупик, загнипнотизированная незамысловатыми тревогами собственного «я», и ничего не ищет, не хочет восхождения, не хочет духовного роста. Если бы не чарующая прелесть простых и чистых словосочетаний, лирика Ахматовой омертвела бы в своем тупике. Красоте дано «спасти мир», — спасает она и Ахматову.

Вполне поэтом является М. Шагинян. Повторно изданные «Orientalia» одна из лучших книг последнего времени.

Возвращаемся к «мэтрам». Если можно противопоставить Блоку кого-нибудь из современников, то в качестве антипода назовем Н. Гумилева.

Блок и Гумилев не только разные мироощущения, это — разные стихии творчества. Это Моцарт и Сальери нашей поэзии. Блок вещал, Гумилев выдумывал. Блок творил, Гумилев изобретал. Блок был художником, артистом. Гумилев был мастером, техником. Блок был больше поэтом, чем стихослагателем: поэзия ему дороже стихов. Гумилев был версификатором, филологом по преимуществу. «Я угрюмый и упрямый зодчий Града, восстающего во мгле» — сказал о себе Гумилев («Огненный столп»). И в самом деле он был строителем прежде всего. Стихи не вылетали у него, как «пух из уст Эола», а чеканились, как ювелирная вещь, строились, как архитектурное сооружение. Не то у Блока. Он жил не стихами, но поэзией. Поэтому и умер, что не мог больше дышать поэзией, т. е. воздухом поэта.

Известно, что последнее время Блок почти не писал стихов. Издавались старые его стихи. Переизданный «Алконостом» третий том его стихов (в который автор внес много нового) — самое ценное из всего напечатанного в последнее время. Полная глубочайших символов, откровений и пророчества, обольстительная и вместе с тем пугающая книга. Вновь и вновь перечитывая волнующие строки Блока, прикасаясь к его тревожным думам, к его безбрежной тоске и несравненной нежности, мы чувствуем до ужасов реально, как год за годом приучал он усталую душу «к вздрагиваньям медленного хлада».

Что было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

Андрей Белый в своей превосходной речи памяти Блока (в Вольфиле, 28 авг. 1921 г.) дал исчерпывающий образ идейного содержания Блоковской поэзии, раскрыл ее великий *смысл*, ее мировое значение. После этой речи (воспроизведенной потом в сборнике «Памяти А. Блока»), должны, наконец, смолкнуть голоса немногих, но яростных хулителей покойного поэта. Единственный поэт современности, заслуживающий названия национального, — Блок. Пышная риторика и космические мотивы Бальмонта, похоронная мечтательность и однообразная эротика Сологуба, схоластическая рассудочность и филологическая экзальтация Вяч. Иванова, космополитизм и универ-

сальность Брюсова не дают им права на звание национальных поэтов. Не заслуживает этого имени и Белый, с его вычурной манерностью и патетическим мудрствованием, Белый, так верно сказавший о себе:

Я стилический прием,
Языковые идиомы.

Только Блок, завладевший самыми сокровенными смятениями русской души, является поэтом народным.

Россия, нищая Россия.
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви...
Тебя жалеть я не умею
И крест твой бережно несую...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойничью красу.
Пускай заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты...

Благословляющий и проклинающий любовью любил Блок Россию: оттого сквозят его песни и нежностью и гневом. «Поэзия Блока», — скажем словами Белого (сборник «Ветвь», М., 1917) — «цветок страшных лет русской жизни: неудивительно, что в поэзии этой перепутаны *Имя и путь*; русская действительность зачастую была роковым смешением путей, нас ведущих к катастрофе в плане личном и социальном; выразителем смятенной души в ее духе и в теле был Блок».

Особняком стоит группа «эстетов», которых можно было бы разделить (очень условно и приблизительно) на пассаистов и новаторов. К первым можно отнести Георгия Иванова, В. Ходасевича, Георгия Адамовича, отчасти «парнасца» М. Лозинского и «акмеиста» Мандельштама. Вторая группа очень многочисленна. Для примера назовем С. Нельдихена, новизна которого, впрочем, очень не нова. Деятельное любование миром составляет основную черту эстетизма. При этом «эстеты», так же, как и акмеисты, изображают в сущности не прекрасное, а свое ощущение от него. Иногда это очень немного. Например, поэтическое «credo» Георгия Иванова отлично выражено в одном из последних его стихотворений:

И что в человеческой участи
Прекраснее участи птиц,

Помимо холодной певучести
Немногих заветных страниц?

В отличие от сентиментального Г. Иванова, О. Мандельштам не ограничивается рамками «холодной певучести». Он любит и ценит мысль, и некоторые его «афористические» стихи переживут своего автора.

Стихи В. Ходасевича («Путем зерна») хороши своей простотой, ясностью и благородством. Поэт не очень изобретателен, не богат изобретательными средствами, но требователен к себе и осторожен.

С. Нельдихен («Органное многоголосье») уверен, что воскресил в наши дни «библейскую прозу». Старается он также походить на Уата Уитмэна. О чувстве собственного достоинства, воодушевляющем его, могут дать понятие хотя бы следующие строки:

Иисус был великий, но односторонний мудрец,
И слишком большой мечтатель и мистик;
Если бы он был моим современником,
Мы бы все же сделали с ним многое, очень многое...

Н. Оцуп («Град») находится еще в поре ученичества: голос у него еще ломкий, «срывающийся», но иногда берущий отчетливые и звучные ноты. Он ведет свое «происхождение» от Гумилева, находясь также в столь близком родстве с Нельдихиным, что иногда отождествляет себя с ним («мне показалось, что и Нельдихен — это я»). Если Оцупу не наскучит роль «выдумщика», он додумается когда-нибудь до совсем хороших стихов. К «последним могиканам» петербургского символизма принадлежат Ф. Сологуб, Конст. Эрберг и Вл. Пяст. Впрочем, последний в настоящее время, кажется, не очень настаивает на символизме. Новые книги Ф. Сологуба («Фимиамы», «Одна любовь», «Соборный благовест») ничего не прибавляют к характеристике этого выдающего художника слова.

Интересные и способные люди есть среди пролетарских поэтов. Как ни странно, большинству из них лирические мотивы удаются лучше гражданских (Маширов, Бердников, Садофьев, Ионов).

Вопреки мнению, что «*inter arma silent musae*»*, ни война, ни Революция не заставили умолкнуть Петербургскую Музу: напротив, разнообразнее и звучнее стали ее песни. Она с нами, она не оставила нас в суровые, жестокие годы испытаний. В

* При громе оружия музы молчат (*лат.*).

античном мире Музы принимали участие не только в веселых праздниках (как, например, на свадьбе Пелея и Фетиды), но участвовали и в горе смертных (после кончины Ахилла). Они и поныне делят с нами восторги и печали. Радостью и тишиной наполняется душа, вспоминая в земном странствии, что они — с нами, светлые Пиериды, бессмертные подруги Мусагета.

